

Лян Сяо: «...»

Дворецкий: «...»

Лян Сяо резко выпрямился.

Оглядываясь назад, можно сказать, что детский режим и его жизнерадостный девиз «Играйте ответственно и растите здоровыми» могли быть зловещим намеком.

Не в силах уснуть глубокой ночью, он, возможно, действительно должен заняться здоровым образом жизни и прилежной учебой, написав эссе-размышление.

Лян Сяо сидел, ошеломленный, и смотрел на это убедительное и громкое письмо с извинениями. После долгой паузы он спросил:

— Есть какие-то особые требования?

Дворецкий, очевидно, не ожидавший, что Лян Сяо не повесит трубку сразу, сделал долгую паузу, прежде чем добросовестно передать инструкции:

— Первое...

Лян Сяо не поверил своим ушам.

— Что?

— Во-первых, — дворецкий приготовился к худшему, — вы можете сами выбрать тему и формат. Во-вторых, название зависит от вас, но структура должна быть полной.

Лян Сяо:

— А в-третьих?

Дворецкий глубоко вздохнул.

— ...Ограничений по количеству слов нет.

Лян Сяо прижал руку ко лбу, смирившись со своей судьбой.

— Позвольте мне спросить вас об одном.

Дворецкий, в совершенно меланхоличном состоянии:

— Продолжайте.

Лян Сяо:

— Господин Хо случайно не спровоцировал вторичную гендерную дифференциацию во время подготовки к выпускным экзаменам?

На следующее утро менеджер Лян Сяо принес завтрак и был поражен открывшимся ему видом.

Лян Сяо не лежал, свернувшись калачиком, в постели, сражаясь не на жизнь, а на смерть со своим одеялом, и даже не заметил, как вошел Дуань Мин. Вместо этого он был полностью одет и сидел у окна с листком бумаги и ручкой в руках.

Дуань Мин отложил жареные палочки из теста, нервно глядя на темные круги под глазами Лян Сяо.

— Что случилось?

Лян Сяо испустил долгий вздох.

Обеспокоенный тем, что Лян Сяо всю ночь играл в игры, Дуань Мин несколько секунд подозрительно смотрел на него, прежде чем потянуться за телефоном.

— Дай-ка я проверю.

— Я не играл, — Лян Сяо забрал свой телефон, — не смотри.

Это только усилило беспокойство Дуань Мина. Он нахмурился и протянул руку, чтобы потрогать лоб Лян Сяо.

— Что случилось?

— Это для твоего же блага.

Измученный до предела, Лян Сяо сложил бумагу, убрал ее, похлопал Дуань Мина по плечу и поплыл в сторону ванной.

— Некоторые вещи... не стоит показывать.

Дуань Мин:

— ...Что?

Лян Сяо, теперь уже закаленная душа, глубоко вздохнул.

— Как только ты их увидишь, тебе придется заплатить...

Совершенно сбитый с толку, Дуань Мин схватил лунатика Лян Сяо, который слепо топтался на месте у стены, и развернул его на полметра вправо, толкнув в ванную.

Он только что получил два уведомления от съемочной группы и изначально планировал рассказать о них раньше, но, увидев состояние Лян Сяо, засомневался.

— Ты выглядишь неважно. Плохо спал прошлой ночью?

Не просто плохо.

Он вообще не спал.

Лян Сяо снова протяжно вздохнул. Вяло закончив утренние процедуры, он вышел из ванной и взял у своего менеджера соевое молоко.

Сегодня утром ему нужно было отснять две сцены, в обеих были сложные реплики. В одной из них ему нужно было обмануть старшего брата главного героя, Цзин Мина, главу семьи Цзин, используя замысловатую и многословную риторику.

Изначально он планировал быстро закончить эссе-размышление, а потом немного поспать, но писать его оказалось сложнее, чем он ожидал.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — Дуань Мин, видя, насколько он измотан, воткнул соломинку в соевое молоко и с обреченным видом вложил ее в рот Лян Сяо. — Если нет, я могу поговорить с одним из режиссеров, чтобы скорректировать твое расписание.

Соевое молоко остыло. Лян Сяо сделал несколько глотков, затем глубоко вдохнул, чтобы успокоиться.

— Я в порядке.

Дуань Мин не был в этом уверен. Он поддержал Лян Сяо, когда тот, пошатываясь, поднялся на ноги, затем собрал их вещи, позвал помощника и выпроводил их всех за дверь.

Полчаса спустя.

Мужчина, который клялся, что с ним все в порядке, быстро заснул на съемочной площадке.

Сцена с Лян Сяо требовала, чтобы он противостоял Цзин Мину лицом к лицу, ведя напряженную словесную дуэль. Юнь Лянь, его персонаж, осторожно бросал полуправду, намекая на свое положение, оставляя Цзин Мину, опытному главе конгломерата Цзин, достаточно оснований подозревать, на чьей стороне Юнь Лянь.

Эта сцена станет переломным моментом: когда главному герою будет угрожать опасность, Цзин Мин, отчаявшийся и не знающий, что делать, наконец обратится за помощью к Юнь Ляню, чтобы спасти своего брата. Юнь Лянь откажется от предложенных взяток и подарков, оставит свой безупречный костюм и войдет в логово льва один.

Лян Сяо, однако, начал эту ключевую последовательность с того, что проспал первый шаг.

Мэн Фэйбай, актер, играющий Цзин Мина, с теплой улыбкой поприветствовал прибывшего гостя, выйдя из экипажа.

Прошло две секунды. Затем еще две.

Мэн Фэйбай, слегка озадаченный, приподнял занавеску кареты.

— ...

В глазах Дуань Мина потемнело. Как только он собрался извиниться и разбудить Лян Сяо, главный режиссер Сун Ци хлопнул его по плечу и толкнул обратно на стул у края съемочной площадки.

Помощник режиссера уловил сигнал и продолжил снимать, сохраняя угол наклона камеры и освещение.

Внутри кареты Юнь Лянь откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Его тонкие черты лица выдавали усталость, а бледный цвет лица говорил о том, что он плохо спал.

Цзин Мин мгновение стоял, наблюдая, а затем протянул руку и коснулся плеча Юнь Ляня.

Прежде чем они соприкоснулись, Лян Сяо пошевелился, и его лицо мгновенно стало настороженным, он выпрямился и приготовился.

Сценарист был в восторге.

— Блестяще!

В повествовании Юнь Лянь получил травмы, о которых никто не знал, и был морально и физически истощен после нескольких дней, проведенных в тени. Цзин Чжэ сражался на передовой, а Цзин Мин остался управлять конгломератом Цзин. Два брата, один из которых работал на свету, а другой — в тени, не объединяли свои силы до кульминации истории — этот факт хорошо известен зрителям.

То, что Юнь Лянь погрузился в легкий сон во время своего визита к Цзин Мину, было тонким намеком на то, что он уже доверял братьям.

Сон Лян Сяо без сценария позволил сэкономить три сцены и пять страниц диалогов.

— Абсолютный блеск.

Сценарист все больше проникался к нему симпатией. Помахав сценарием перед режиссером Суном, он сказал:

— Добавь его в список участников рекламного шоу.

Режиссер Сун нахмурился, выражая несогласие.

— Главные актеры должны появиться как минимум в 35 эпизодах...

Сценарист, неплохо разбирающийся в математике, кивнул, достал ручку и добавил в сценарий еще пять эпизодов для Юнь Ляня под его черно-белой фотографией.

Справившись с двумя сценами, Лян Сяо расслабился настолько, что, вернувшись в свою комнату, погрузился в глубокий сон. Проснувшись, он все еще был немного ошеломлен.

— Что за развлекательное шоу?

— Ток-шоу, выходящее в эфир на спутниковом телеканале высшего уровня.

Дуань Мин вернулся с маршрутным листом и расписанием и с удовлетворением похлопал Лян Сяо по плечу.

— Мы уезжаем послезавтра.

В то утро дворецкий Хо передал помощнику режиссера сообщение с просьбой сообщить Лян Сяо о рекламном мероприятии. Съёмочная группа выделила ему место, и в случае необходимости Лян Сяо мог сам оплатить дополнительные расходы, которые возместит «Сингуан».

Лян Сяо был слишком слаб, чтобы Дуань Мин мог ему что-то объяснить.

Дуань Мин, подумав об этом, обрадовался еще больше и поднял руку Лян Сяо, чтобы дать ему «пять».

— Если ты сменишь компанию, ты должен взять меня с собой.

Помощник, занятый уборкой в комнате, поднял руку.

— Возьмите и меня тоже.

— ... — Лян Сяо провел целую ночь, размышляя о том, что написать, и теперь массировал свой висок, испытывая новообретенное чувство беспомощности. — Это нелегко.

Особенно если перевод в «Сингуан» означал, что в повседневной жизни придется писать эссе на заданные темы.

— Не торопись, — успокоил Дуань Мин, не зная всей истории. — Не спеши — срок твоего нынешнего контракта еще не истек.

Лян Сяо усмехнулся.

— У тебя тоже, верно?

— Наши контракты — это трудовые договоры, — ответил Дуань Мин. — Если мы захотим сменить работу, мы можем просто уволиться.

— В лучшем случае они удержат месячную зарплату, — вмешался помощник, которому тоже явно не терпелось уйти. Он проворчал: — Я уже давно хотел уволиться. Если бы они не...

Дуань Мин резко оборвал его.

— Сяо Гун.

Помощник замолчал и, надувшись, вернулся к уборке пола.

Лян Сяо, все еще не пришедший в себя после съемок, справился со сценами благодаря своему профессионализму и привычке. Вернувшись в свою комнату, он проспал до сих пор. Увидев напряжение, он небрежно сложил одежду и усмехнулся, чтобы разрядить обстановку.

— Все в порядке.

Дуань Мин выглядел недовольным, но аккуратно положил расписание поездок на стол. Позади него помощник, все еще державший швабру, несколько раз изобразил, что наносит удары.

— Спокойно и собранно, — поддразнил Лян Сяо, чувствуя раздражение Дуань Мина. Взяв инициативу в свои руки, он закинул его одежду в стиральную машину и терпеливо попытался вразумить его. — В этой отрасли, работая в этом кругу, нам нужен базовый уровень профессионализма...

— Хватит об этом, — сказал Дуань Мин, не желая заикливаться на этом вопросе. — Что с тобой вообще случилось прошлой ночью?

Лян Сяо нажал кнопку заполнения водой и на мгновение замер.

— А?

— Это был побочный эффект?

Дуань Мин, вспоминая сцену, произошедшую ранее этим утром, все еще чувствовал себя не в своей тарелке. Он беспокоился, что Лян Сяо снова провел бессонную ночь.

— Ты в последнее время много работаешь? Дополнительные лекарства не помогают? И почему ты вдруг стираешь?

Лян Сяо смутно почувствовал, что что-то пошло не так. Он на мгновение замер, а затем поднял руку.

— Ах.

Дуань Мин: «?»»

Лян Сяо: «...»

Дуань Мин отступил на два шага назад, отводя помощника в сторону, пока они наблюдали, как их якобы собранный и невозмутимый артист выдергивает вилку из розетки, поднимает крышку и ныряет в барабан, как обезумевший сурок.

Через полминуты Лян Сяо сидел на полу, держа в руках горсть измельченной бумаги.

— Пол холодный, — сказал Дуань Мин, совершенно сбитый с толку, и поднял его. — Что происходит?

Лян Сяо:

— Предполагалось, что это будет лист бумаги.

Дуань Мин: «...» Он это видел.

— Да, и ты только что его постирал.

Раньше он не обратил на это внимания, но теперь, увидев кусочки бумаги, разбросанные по всему барабану, он вспомнил, что Лян Сяо утром сунул себе в карман клочок бумаги. Вздохнув, он сказал:

— Забудь об этом, я разберусь.

В актерском составе было много известных людей, и их одежда, как правило, была дорогой и стиралась в профессиональной прачечной на съемочной площадке.

Гардероб Лян Сяо не был таким требовательным, и его помощник обычно занимался стиркой.

Но сегодня помощник был слишком раздражен и ушел мыть полы.

Лян Сяо, стараясь быть внимательным, решил сделать это сам.

Однако бумажные обрывки, прилипшие к одежде, доставляли неудобства, поэтому Дуань Мин жестом попросил помощника помочь, а сам подвел Лян Сяо к дивану.

Лян Сяо поднял глаза.

— Это действительно был листок бумаги.

Дуань Мин:

— ...Найти тебе другой?

Лян Сяо:

— Ты не сможешь.

На этом листе бумаги было 364 тщательно выписанных слова — шедевр.

Каждое слово было драгоценным камнем, тщательно отобранным и отшлифованным.

Это было самое тщательно написанное эссе, которое Лян Сяо когда-либо создавал за свои 20 с лишним лет, несмотря на то, что на экзаменах по языку в старших классах он не набирал больше 100 баллов.

Теперь они исчезли.

— ... — Дуань Мин, с большим трудом вытянув из него всю историю, был озадачен каждой ее частью. — Зачем ты вообще написал эссе на бумаге?

— А что еще мне оставалось делать?

Лян Сяо в полном отчаянии тупо уставился на измельченные остатки в своих руках.

— Может, мне стоило использовать бамбуковые палочки?

— Президент Хо.

Дворецкий заверил его:

— Господин Лян обязательно представит свои соображения сегодня.

Хо Лань со спокойным выражением лица пролистал несколько страниц отчета, прежде чем взглянуть на часы.

До полуночи оставалось три минуты.

Дворецкий начал сомневаться в том, при каких обстоятельствах их босс, Хо Лань, прошел дифференциацию. Держа в руках чашку кофе, он ловко смахнул стопку отчетов.

— Пожалуйста, отдохните, господин. Как только господин Лян закончит, я принесу вам отчет.

Хо Лань ненадолго закрыл глаза, прижал пальцы к вискам и покачал головой.

— Не нужно.

Дворецкий не решался заговорить, но затем вспомнил предположение, которое Лян Сяо высказал прошлой ночью.

— Господин Хо.

Хо Лань открыл глаза.

Дворецкому показалась притянутой за уши теория Лян Сяо, но он все равно решил упомянуть о ней, хотя и осторожно.

— Господин Лян кое-что спросил.

Хо Лань:

— Что?

— Господин Лян задавался вопросом, — дворецкий набрался смелости, — не сопротивляетесь ли вы сну на подсознательном уровне.

Если применить логику зубрежки перед экзаменами, то это не совсем неразумно.

В конце концов, как бы вы ни устали перед важным экзаменом, вы бы не осмелились спать слишком долго. Потому что неизбежно тот вопрос, который вы просмотрели, но не смогли вспомнить ответ, каким-то таинственным образом появится в конце экзаменационной работы и будет насмешливо ухмыляться.

Как только дворецкий произнес эти слова, Хо Лань резко нахмурился.

Он несколько дней не высыпался как следует и, несомненно, был утомлен. Хотя он не казался холоднее обычного, в его ауре чувствовалась более резкая, необузданная грань.

Дворецкий замолчал, поставил на стол кофе со льдом, стряхнул иней с волос и мысленно вычеркнул эту нереальную возможность.

— Скажи господину Ляну, — сказал Хо Лань спокойным, но решительным тоном, — что, если время истечет, ему не нужно будет подавать заявку.

Дворецкий часто задавался вопросом, почему эти двое не могли просто общаться с помощью одного из множества доступных приложений для обмена сообщениями, но инструкции Хо Ланя не оставляли места для споров.

— Осталось 30 секунд.

Поверхность кофе со льдом мерцала осколками льда.

Дворецкий остался непреклонен.

— Господин Лян работает над этим.

Обладая многолетним опытом и отточенными навыками, он был уверен, что даже если Лян Сяо отправит ему всего один китайский иероглиф, он сможет интерпретировать его так, чтобы передать две части шока, три части эмоций и пять частей глубокого понимания.

— Можете быть уверены...

У Хо Ланя тихо завибрировал телефон.

Лед в кофе тихо позвякивал.

Глаза дворецкого загорелись радостью и облегчением, когда он увидел, как Хо Лань открывает сообщение.

[Господин Лян: Эссе-размышление]

[Господин Лян: QAQ]

<http://bllate.org/book/12538/1116413>